

Говард Филлипс Лавкрафт

Ультерские кошки

(The Cats of Ulthar)

Говорят, что в Ультере, что лежит за рекой Скай, ни один человек не смеет убить кошку. И этому я безо всяких сомнений могу поверить, глядя на ту, что сейчас мурлыкает, сидя у камина, ибо кошка - животное таинственное и близкое многим странным вещам, человеку незримым. Она - душа Древнего Египта, она носит в себе истории давно забытых городов Мерио и Афира. Она - родственница повелителей джунглей и наследница седой, зловещей Африки. Сфинкс - ее двоюродный брат, и кошка говорит его языком, но она еще древнее Сфинкса и помнит даже то, что он давно забыл.

До того, как Деревенский Совет запретил убийство кошек, жил в Ультере старый батрак со своей женой. Оба они находили неслыханное удовольствие в том, чтобы ставить ловушки на соседских кошек и убивать их. Почему они делали это, я не знаю; хотя в общем-то многим не нравятся ночные кошачьи вопли, да и то, что они бесшумно пробираются под покровом сумрака в чужие дворы и сады, устраивает далеко не всех. Но что бы ни было причиной этому, старик и его жена просто обожали ловить и убивать любых кошек, приближавшихся к их лачуге. А судя по звукам, доносившимся оттуда ночами, местные жители предполагали, что убивали кошек ну очень эксцентричным способом. Но это жители никогда не обсуждали со стариком и его женой; главным образом из-за странного выражения на морщинистых лицах обоих, а также из-за того, что жили они в таком малюсеньком и темном домике, спрятавшемся под тенью дубов в конце запущенного двора. По правде говоря, большинство владельцев кошек ненавидели эту странную парочку - но боялись больше; поэтому вместо того, чтобы бранить их как жестоких убийц, жители только заботились о том, чтобы их заботливо оберегаемые любимцы или ловцы мышей держались подальше от далекой лачуги под темными деревьями. Но когда все же случалось непоправимое и в ночи слышались знакомые каждому ужасные звуки, владелец несчастного животного мог лишь беспомощно стенать или утешать себя тем, что Судьба еще сжалилась над ним, и это был хотя бы не его собственный ребенок. Простодушны были жители Ультера, да и не знали они, откуда когда-то впервые явились кошки.

Но однажды появился на узких мощеных улочках Ультера караван странных путешественников с юга. Были они смуглы и непохожи на других чужеземцев, являвшихся в Ультер дважды в год. На базарных площадях они за серебро предсказывали будущее и покупали яркие бусы у торговцев. Из каких земель пришли они, никто не мог сказать; но молитвы их были необычны, а фургоны разрисованы странными фигурами с человеческими телами и головами кошек, орлов, баранов и львов. А предводитель каравана носил загадочный головной убор с двумя рогами и странным диском между ними.

Был в том караване маленький мальчик с крошечным черным котенком. Чума не пощадила его, забрав и отца, и мать, но хотя бы оставила ему этого маленького мохнатого зверька, помогающего ему уменьшить свою печаль. Тот, кто еще так юн, может найти для себя большое облегчение в веселых шалостях черного котенка. Так что маленький мальчик, которого смуглые люди звали Менесом, улыбался много чаще, чем плакал, когда играл со своим изящным котенком, сидя на ступеньках странно разрисованного фургона. Но на третью ночь пребывания чужеземцев в Ультере Менес не смог найти своего котенка; и когда он громко рыдал на базарной площади, кто-то из местных жителей рассказал ему и про старика и его жену, и про звуки в ночи. Когда мальчик услышал все это, рыдания уступили место глубоким раздумьям, а затем и молитве. Он простер руки к Солнцу и молился ему на языке, которого ни один присутствующий понять не мог, да очень и не пытался - внимание их было приковано к небу и странными формами, которые принимали тучи. Как бы то ни было необычно, но по мере того, как мальчик произносил свои мольбы, тучи превращались в призрачные, неясные силуэты загадочных существ; полу-людей - полу-чудищ, коронованных двумя рогами с диском между ними. Природа полна подобных иллюзий, впечатляющих легковерных.

Той ночью чужеземцы покинули Ультер, чтобы никогда не возвращаться туда. А жители обнаружили, что во всей деревне не найти ни единой кошки. Все домашние любимцы пропали со своих любимых местечек у очагов - большие и маленькие, черные, серые, полосатые, желтые, белые... Старый Кранон, глава Деревенского Совета, клялся и божился, что смуглые люди забрали всех кошек, дабы отомстить за убийство котенка Менеса; он проклинал и караван, и маленького мальчика. Но Ниф, тощий нотариус, объявил, что скорее нужно подозревать старого батрака и его жену; ведь их ненависть к кошкам была известна всем, и к тому же они становились все наглей и бесстыдней. Однако же никто не осмеливался потребовать разъяснений у зловещей парочки, даже когда маленький Этал, сын хозяина постоянного двора, поклялся, что в сгущающихся сумерках видел всех кошек Ультера в том самом дворе под деревьями - черт бы его забрал! - где они медленно ходили кругом, по двое в ряд, будто бы исполняли какой-то неслыханный звериный ритуал. Деревенские жители не знали, насколько можно верить такому маленькому ребенку; и, хотя они боялись, что злобная пара заколдовала их кошек до смерти, все же предпочитали не соваться к старому батраку - разве что он сам выйдет из своего темного и отпугивающего двора.

Так весь Ультер улегся спать в тщетном гневе, и когда люди проснулись на рассвете - все до единой кошки были на своих излюбленных местах! Большие и маленькие, черные, серые, полосатые, желтые, белые - ни одна не пропала. Но были они толстые, лоснящиеся, и предовольно мурлыкали к тому же. Жители бурно обсуждали это происшествие, немало удивляясь ему. Старый Кранон вновь настаивал, что это смуглые люди забрали кошек, ибо ни одна кошка никогда не вернулась живой из хижины древнего батрака и его жены. Но в одном все соглашались - то, что их любимцы дружно отказывались от своих порций мяса и даже от блюдечек с молоком, было действительно любопытно. Целых два дня лоснящиеся, ленивые коты и кошки Ультера даже и смотреть на еду не хотели - лишь грелись у очагов или на солнышке. Целая неделя прошла, прежде чем жители деревни обратили внимание на то, что свет больше не зажигается по ночам в окнах

лачуги под деревьями. Тогда тощий Ниф дбавил, что никто не видел ни старика, ни его жену с той самой ночи, когда пропали все кошки. Только на следующей неделе глава Деревенского Совета решил побороть-таки свои страхи и заглянуть в странную безмолвную хижину - исключительно по долгу службы. В качестве свидетелей он прихватил с собой кузнеца Шанга и каменотеса Фула. И когда ветхая дверь была выломана, за ней они нашли лишь два обглоданных человеческих скелета на земляном полу и несколько необычных жуков, ползающих по темным углам.

Много разговоров вызвала эта находка в Деревенском Совете. Следователь Заф долго допрашивал тощего нотариуса Нифа; а Кранон, Шанг и Фул были просто завалены вопросами. Даже маленький Этал, сын хозяина постоянного двора, был серьезно допрошен и получил леденец в награду. Говорили они о старом батраке и его жене, о караване смуглых чужеземцев, о маленьком Менесе и его котенке, о молитве Менеса и состоянии неба во время той молитвы, о том, что делали кошки в ночь, когда караван покинул деревню, и о том, что было найдено в хижине под темными деревьями, растущими в отталкивающем дворе.

И в конце концов Деревенский Совет принял важнейший закон, о котором говорили торговцы в Хафеге, и который обсуждался путешественниками в Нире. Закон тот гласил: НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК НЕ СМЕЕТ УБИТЬ КОШКУ.

*Перевод: Владимир Деев
2005 год*